

КВ. Кор. 4.6

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Том VI ————— Выпуск VII

И. И. МЕЩАНИНОВ

ПАЛЕОЭТНОЛОГИЯ
и
НОМО SAPIENS

Гаймиз

КВ Кор. 4.

**ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

ТОМ ШЕСТОЙ
ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

ЛЕНИНГРАД — 1930

Н. П. МЕЩАНИНОВ

**ПАЛЕОЭТНОЛОГИЯ
И
НОМО САПИЕНС**

Гаймк

Печатается по постановлению Государственной Академии Историко-Материальной Культуры
12 февраля 1930 г.

Зам. Председателя Ф. Кизлярского.

Ленинградский Областной № 47670 — 2 п. л. — Тираж 100 экз.
Типография «Печать», Прачешный, д.

Идея единства палеолитического человека, еще давно высказанная Г. Мортилье¹, была настолько решительно оставлена последующими исследователями, что даже и сейчас современные нам ученые не одного только Запада, но и нашего Союза продолжают отстаивать необходимость прослеживания тех «человеческих волн», которые строятся ходом их исследовательской мысли и которые столь ярко выдвинуты в работах Обермейера².

Этот крупнейший авторитет в области археологии уточнил господствующее мнение, высказав далеко не свои собственные соображения, и на долгое время упорно этнологический подход к древнейшим периодам человеческой жизни. Он подробно останавливается не только на мустьерских племенах, но даже и на особой ательской этнической группе. Отдельные этнические составы (племена) рассматриваются им обособленно без какой либо связи друг с другом. Даже «кондотворение» существенно отличавшихся друг от друга этнических групп» безусловно не допускается. В связи с этим, смена культур объясняется сменой этнических масс, и потому уже для эпохи раннего палеолита пришлось признать приток упомянутых выше различных «человеческих волн»³.

В результате установившейся традиции закрепились вызванные к жизни указанным направлением, с нашей точки зрения совершенно неприемлемые, термины «палеоэтнология» и «homo sapiens», применяемые почти во всех работах археологов-доисториков.

Яфетидология определенно выступила против обычного объяснения смен культурных периодов исключительно сменой этнических составов. В целом ряде печатных работ указывалось на несостоятельность миграционных построений⁴. Между прочим, отмечалась неесте-

¹ Gab. de Mortillet. Le préhistorique. Antiquité de l'homme. Paris 1883.
Г. де Мортилье, Доисторическая жизнь, рус. перевод 1900 г.

² Г. Обермейер, Доисторический человек, рус. перевод 1919 г.

³ Obermaier und Wernert. Paläolithbeiträge aus Nordbayern. Mitt. Anth. Gesell. in Wien, 1914.

⁴ См. мое, О доисторическом переселении народов. Анализ вопроса в афетидологическом освещении, Вест. Ком. Акад., 1928 № 29.

ственность высказывавшихся предположений о том, что сотнями и даже тысячами лет длитавшиеся племенные массивы доносят до конечного пункта своего миграционного движения формы своего творчества в неизменном виде. Не говоря уже о том, что народ, не изменивший своего облика сотнями и тем более тысячами лет едва ли может быть причислен к тем «народам-просветителям», каковые, по мнению исследователей, несут с собою творческое начало, само такое переселение представляется в достаточной степени неестественным. Это не «просветители», а какие-то своеобразно застывшие, стабильные в своем развитии массы. Кроме того, как раз наоборот, передвигавшийся с длительными остановками на местах народ неминуемо должен был скрещиваться со встречаемыми по пути своего движения племенами и, следовательно, в результате многократных смещений должен был добить совсем не в том виде, в каком вышел ⁵.

Если он шел по пустынным, незаселенным местам, то он двигался вовсе не на смену каких-то других культурных форм, очевидно, при таких условиях, вовсе до него нигде не существовавших. Если же он все же на кого-то по пути своего движения наткнулся, то тот, другой, должен был жить в переселенных странствующих народом местах. Избежать неминуемое с ним скрещение возможно лишь при условии полного уничтожения одного народом другого. Так и предполагает ряд исследователей, например Хаузер, но предположения их о том, что одно племя стирало совершенно с лица земли другое, не оставляя в живых даже женщин, более чем сомнительно и во всяком случае не обосновано на реальных фактах ⁶. К тому же, смена, например, неандертала кроманоном устанавливается исследователями повсеместно, а вовсе не в одном каком-либо районе и притом в различных местах в разные времена. Следовательно, повсеместно же шло избиение первых вторыми и везде с соблюдением того же самого правила не щадить никого, а это уже совершенно неестественно.

Отмечалось также в яфетидологических работах, что миграционная теория неминуемо ведет к праиародам и пракультурам, восстанавливаемым научно-исследовательской мыслью в весьма не реальной обстановке ⁷. В данном случае, археологи-доисторики господствующей школы полностью повторяют то, что делают лингвисты пока тоже господствующей школы. Оказалось, что исследователи в области языковых материалов и в области археологических памятников, хотя и сознательно разграничивают свои работы, но все же

необычайно дружно идут по одному и тому же пути, восстанавливая, один — праязыки и праиароды, а другие — пракультуры и те же праиароды. И когда яфетидология отмечает затруднительное положение индоевропейской лингвистики, зашедшей в тупик, совершенно апаологичную оценку вынуждена мы дать и итоги современных археологических исследований.

Прослеживание переселений неизбежно упирается в так называемые «культурные очаги», каковые устанавливаются нередко по произвольному желанию самого исследователя. Равным образом (слишком и сожалению часто), научная работа сворачивается на споры о преимуществе того или иного очага и, в связи с этим, на движение переселенческих волн в ту или иную сторону, намечаемую, чаще всего, по предвзятому мнению автора ⁸.

Яфетидологами указывалось также и на то, что миграционная теория, отсылая исследователя в мало изученные районы Азии и Африки, откуда будто бы двигались «культурные племена», не разрешает вопроса о происхождении исследуемых культурных форм, так как поднятие из неизвестного отнюдь еще не дает ответа на то, как образовались эти формы в отмеченных, пока недостаточно изученных местах. К изложенному можно еще прибавить и то, что мнимые «переселенческие волны» сдержаны в своем движении в исторические времена, когда даже такое нашествие, как, например, монголов на Русь, не сломало с места основной массы русского населения и оставило после себя лишь следы скрещения, при чем сохранившиеся на территории России отдельные монгольские и тюркские племена сильно видоизменились, в процессе того же самого скрещения, и говорить о целостности переносимых форм совершенно не приходится даже и в этом случае. К тому же, переселения оказываются наиболее активными в т. н. до-исторические времена, то есть в те, которые не засвидетельствованы письменными источниками, что заставляет видеть такую активность не в самих племенах, а в исследователях, не могущих разобраться в сложных формах изучаемого объекта и потому прибегающих к более упрощенному их объяснению, сводящемуся к вычерчиванию географических карт с нанесением на них предполагаемых путей движения, идущих из прародины, намечаемых под именем упомянутых выше культурных очагов ⁹.

⁵ См., например, мое, До-историческая крашеная керамика Китая, Изв. Общ. Науч. Азерб., V, 1928 г.

⁶ Наиболее ярко подобная картина выступает в работах J. de Morgan, см. его Les premières civilisations, 1909; До-историческое человечество, 1923, рус. перевод 1926; La préhistoire orientale, 1925—1926.

⁷ См. там же, а также мои, Введение в яфетидологию, Агр. 1929, стр. 192 сл. и К термину История и До-история, Новый Восток, № 26—27, 1929 г.

⁸ O. Hauser, Urmensch und Wilder, Berlin 1921, стр. 123 сл.

⁹ См. цитованные мои работы.

Ифетизология, основанная главным образом на анализе лингвистического материала, отвергла возможность связать способность общения языковой речью с особенностями определенной расы. В языковом материале установлены асимметричные периоды пикто способно общения, путем жестов и мимики. Разделить по расовому признаку говорящего языком от говорящего жестом ифетизологии, по языковому материалу, не может. Напротив, наличие упомянутых выше периодов указывает различные разрывы единого процесса развития, возникающего в связи с перемены на расово обозначенных единицу, а тех же коллективных и их общественных группировках, которые в своих потребностях общения и вообще выражения своих мыслей переиспользовали различные и доступные им способы общения. В силу этого, не только развитие звуковой речи, но и само возникновение ее основано не на физиологических особенностях, изначаль-

4

50

существовавшего в эпоху законченного в своей стабильной форме обособленного периода жизни уже общающегося между собой человека. Пытаясь находить промежуточные формы, уступающие между оторванным азиатским периодом, воспринимаются охотнее как еще неизвестный этнос, тоже пришедший с запада или востока на смену своему предшественнику. Настолько еще силен этнологический подход, затуманивающий взоры исследователя, упершегося в изучение стабильного состояния. Под давлением этнологического подхода исследователь лишен возможности проследить происхождение на месте трансформации. Только в самое последнее время начинается научное колебание, впрочем, еще далеко не достаточное для полного поворота в сторону от превзяттого палеоэтнологического тормоза ¹⁴.

Между тем, как утверждает афетидология, кромаيون, обладавший по мнению антропологов способностью развития звуковой речи, следовательно, скорее *homo loquens*, чем *homo sapiens*, переходил на членораздельную языковую речь после длительного предшествующего состояния уже общественного человека, обладавшего достаточно развитым мышлением. На это указывают сохранившиеся в языковой речи глубокие пережитки кинетической системы общения и наличие семантически рядов, уходящих многим глубже периодов жизни человека, перешедшего на общение при помощи голосовых связей ¹⁵. То же самое отмечается даже в письме, в частности, в пиктографическом и пикетифическом ¹⁶. Таких явных пережитков не могло быть, если бы, как полагает большинство палеоэтнологов, смена неандертала кромайоном произошла в резкой борьбе двух совершенно различных рас, из которых более сильная окончательно уничтожила более слабую ¹⁷. Все эти указания достаточно ясно изложены в целом ряде афетидологических работ, но все же остаются и по сей день совершенно не использованными даже теми археологами-донторскими, которые не скрывают, ни на словах, ни в печати, своих удивлений по адресу открывающего новые горизонты акад. Н. Я. Марра.

Следовательно, лингвистический материал в эпоху достаточно очевидностью доказывает, что мы имеем не смену рас и во всяком

случае не смену этнических составов, как думают сторонники Обермейера ¹⁸, а результат длительного перехода от одной системы к другой, отразившегося и в языке и в творчестве человека на вещах.

Если бы кромаيون, как это нередко предполагается, был изначально снабжен способностью к развитию звуковых органов и вторгся в Европу, уничтожив на обладавшего этой способностью неандертала ¹⁹, то указанных выше пережитков от предшествующих периодов общения жестами ни в нем самом, ни тем более в его временниках сохранилось бы не могло. Остается признать, что кромаيون трансформировался из предшествующего ему антропологического типа, или, вернее, что мы называем кромайоном трансформирующийся тип. И если кромаيون действительно пережил процесс трансформации где-то вне территории Европы, то, все же, мы должны проследить этот процесс в том месте, где он происходил, и не можем удовлетвориться перебранным разрешением вопроса в какие-то неведомые страны. Конечно, процесс трансформации не проходил в разных местах одновременно, и могло случиться, что уже трансформировавшийся тип встретился в данном районе с типом еще не трансформировавшимся, но для этого требуется наличие подтверждающего материала, мы же не имеем никаких данных утверждать, что такая трансформация не происходила на почве самой Европы. Мне кажется, что для эпохи палеолита неполнота материала в значительной степени поспособствовала укоренению т. н. расовой теории и широко распространению и вовсе еще не оставленного по сей день применения миграционных толкований. Палеоэтнологи потропились с окончательными выводами, и в этом не их вина, так как в самом заголовке их специализации лежит этнос, хотя бы и времен палеолита.

Обычно применяемые объяснения смен изучаемых формаций обоснованы, в указанном случае, не опорой на факт, а лишь заключениями сравнительных сопоставлений. Между тем, мы прекрасно знаем, к каким результатам приводят заключения, построенные на узком формально-сравнительном методе. Исследователь, чаще всего, проявляет склонность ограничиться анализом отдельно взятого сюжета и, путем сопоставлений со сходными сюжетами других мест и культур,

¹⁴ Например, Burkitt, Prehistoric discovery in Sacred Soil, the Galilee skull, in Illustrated London News, 1925 г. 13 августа, ссылка по Б. А. Богачевскому, Донтория и этнология в работах проф. О. Менгина, Человек 1928 г. № 2-4, стр. 202, там же в литература.

¹⁵ См. работы Н. Я. Марра в сборнике По этапам развития афетической теории и в Бакиском издании, Яфетическая теория.

¹⁶ На этой теме сосредотачивается сейчас работа моя и Б. Б. Пиотровского.

¹⁷ Подробнее см. ниже.

¹⁸ См. ниже.

¹⁹ См. сводку антропологических исследований у Б. Н. Вишневского, Происхождение и древность человека, Лтр. 1926, стр. 162 и др. На стр. 186, Б. Н. Вишневский говорит: «Кромайонцы пришли в Европу, вероятно, из Африки, принеся с собой ориньякскую культуру». «В предыдущей главе мы оставили наших предков уже вышедшими из их прародин» (стр. 106). Поиск прародины посвящается целая глава (стр. 193 сл.). Ср. его же, Эволюция человека, Лтр. 1928 г.

считает себя вправе определять сущность изучаемого, не считаясь с окружающим его комплексом и с условиями формирования его на месте. Идя таким путем, исследователь вылетает из тесного круга определяющих формаций и, не считаясь с жизнью формы, характеризующей формацию и, не считаясь с жизнью форм, характеризующей ее сходными формами передко совершенно новых стабильных периодов. Решающие моменты стабильности остаются совершенно не учтенными. При углублении такого подхода, археолог крайне легко обращается в узкого пещера, и при том нередко ошибающегося в данной оценке самой вещи²⁰.

Положительные отзывы от окружающего комплекса наличия даже в эпохи, близкие к историческим, например, в толкованиях фигур креста, свастик и пр. Отрывочно взятая форма уносит исследователя из изучаемой им области, фактически он оказывается свободным в выборе сопоставлений и даже, до известной степени, свободным в деталях своей собственной фантазии. Обнаружение нового материала, при таких условиях, дает повод к немедленному применению сравнительного метода. И вместо того, чтобы изучать условия жизни этого материала на месте и перейти к поискам дополнительных данных для получения целостности картины, ученый ограничивается внешними формальными сопоставлениями, в итоге которых, например, Ялойду-тапа Нухинского уезда Азербайджана сопоставляется с средиземноморским миром, и она же, несмотря на явную принадлежность к развитому железному веку, относится Талыгиным к 1200 году²¹. Исследователь отрывается от почвы самого Нухинского уезда и улетает в районы Средиземноморья. Он уже заранее решает, что данная форма застигнута здесь, как оставленная на месте миграционной волной. Почему? Потому что не учитывается полный комплекс и делаются поспешные заключения только по выводам, основанным на типологическом анализе с применением сравнительного подхода. Оказывается, что изучающий новый материал, доселе еще неизвестный в данном районе, приступает к нему уже с готовою предвзвешенною мыслью. Не менее грубые ошибки, конечно, должны быть там, где материал собран далеко не в достаточной степени. Это относится, в частности, а, может быть, и в первую очередь, к векам камня.

Все изученные афетидологическими материалами говорят об единстве процесса развития, а не о смене самостоятельно зародившихся и друг от друга не зависящих этнических составов. В связи с этим,

решительно отпадают всякие суждения об обособленно существовавших и сменяющихся в порядке переселениях волн этнических составов эпохи палеолита. Тем самым изымается из употребления совершенно несоответствующий исследовательским задачам термин палеоэтнология. Вместе с тем требует уточнения и другой термин, *homo sapiens*. Если кроканий трансформировался из неандертала, то применение к нему одному означенного термина представляется далеко не обоснованным.

Под *homo sapiens* подразумевается мыслящий и творческий человек. Между тем, как утверждает афетидология на основании лингвистического анализа, человек периода кинетической речи уже обладал достаточно развитым мышлением и, судя по сохранившимся памятникам материальной культуры, был несомненно творческим человеком, во всяком случае в области изготовления орудий. Таким образом, термин *homo sapiens*, прикрепляющийся к кроканию по чисто расовому признаку, должен быть, судя по вкладаемому в него содержанию, распространен на весь период трудящегося уже человека и его ясно выступающей творческой деятельности. Другими словами, мы не имеем никаких оснований делать какие либо исключения в этом отношении, по крайней мере, для неандертала²².

Проследившая новейшую литературу, мы все же не берем отрицать некоторого сдвига, свидетельствующего о неудовлетворенности ряда современных археологов-донисториков существующим положением. Временами чувствуется даже попытка перейти на более прочную почву. Но все попытки носят скорее характер метания из стороны в сторону, чем уверенный поступь к материалу с новым методологическим подходом. Проявляется некоторая осторожность к широкому применению миграционного подхода и даже начинает усиливаться внимание к вопросу о взаимоотношении обособленных периодов друг с другом. Все же, все чувствительные колебания еще далеко не в достаточной мере оформились для решительного перехода на пути новых исканий. К числу таких свидетелей исканий нового пути приходится отнести и новые, казалось бы, освежающие археологию, построения венского ученого Менгина, распределяющего эпоху палеолита на два основных культурных круга, из которых один имеет тенденцию вытеснять другой²³.

²⁰ Такого большинство исследований, считывающихся до сих пор основными руководством по археологии, см. Обермейер, Гернес, Городцов, Осборн и др.

²¹ А. М. Талыгин, рецензионная заметка в *Египта III*, 199; Д. Шарифов, *Раскопки в Ялойду-тапа*, изд. Об. Изуч. Азерб., 1927 г.; Т. Пассек и Б. Латыпин, *К вопросу о перахике из Ялойду-тапа*, Изв. Общ. Изуч. Азерб., 1927 г.

²² Ср. у меня, *Введение в афетидологию*, стр. 123.

²³ O. Menghin, *Zur Geschichte der altpaläolithischen Kulturkreislehre*, Wiener Prehist. Zeit., 1927 и др. Литература указана Е. А. Борогески в его *Донистория и этнология в работах проф. Освальда Менгина*, Человек 1928 г. № 2-4.

Почувствовавший неустойчивость действующих суждений археологов, Ментши не нашел иного выхода из них, как построение двух культурных кругов, характеризованных ручным топором и ручным клинком. Эти два культурных круга представляются автору настолько мощными, что они проходят через все эпохи древнего каменного века во всех частях света. Мало того, они оказываются деятельными участниками в новом периоде каменного века²⁴. Едва ли в таком построении векового учебного мы можем видеть разрешение ставленного вопроса. Для по-обычному русскому синдоевропестину, а именно в области археологии, Ментши решает и генетический вопрос в обычном виде создавшегося культурного целого. В его освещении, названные культурные круги играют первенствующую роль даже в сложении всей человеческой культуры вообще²⁵.

Для афетидолога едва ли приемлемо отнесение зачатков складывшейся культуры лишь к тем изделиям, которые не успели еще изгнать с земли. Языковой материал с несомненностью отмечает глубокие пережитки решающей роли дерева в древнейшие периоды жизни человека. Дерево занимает важное место не только в семантических рядах, но и в так называемых семантических пучках, давая им арханглы. Семантические пучки такого порядка как рука—дерево—вода—женщина, объединяемые наличными и афетическими языками основами, не поддаются логическому их с нашей стороны осмыслению²⁶. В этом мы не можем не усмотреть несомненного арханизма, и во всяком случае говорить о случайном значении дерева в его выявлении по лингвистическому материалу совершенно не приходится. В то же время, устойчивость «дерева» в семантических рядах и тем более в пучках, уходя в чрезвычайную глубину вертикального разреза, свидетельствует об исключительно важной роли его в жизни человека стабильно далеко отстоявших от нас времен. Подобные пережитки наличны не только в языке; сохранился хотя бы на Кавказе культ дерева²⁷. Выдвигается проблема о веке дерева.

Едва ли человека, уже общественно группирующегося и пользующегося орудием, можно ограничить только изделиями из камня,

²⁴ См. Б. Л. Богачевский, д. с., табл. IV на стр. 211.

²⁵ Там же, стр. 199 сл.

²⁶ См., например, в работе Н. Я. Марра, Из поездки к европеейским афетикам. По этапам развития афетической теории, 1926 г., стр. 148, и др. работы Н. Я. Марра по семантическим рядам, преимущественно в Докл. Акад. Наук 1926 и сл. годов.

²⁷ Жертвоприношение священному дереву (шпру) мне удалось лично наблюдать летом 1929 года в предгорьях Малого Кавказа у Гянджи в Азербайджане.

хотя бы и сравнивая с деревянной культурой человека. Это не есть разрешение генетического вопроса, также как ограничение двумя культурными кругами не есть еще разрешение проблемы стабильности.

Ментши неминуемо уперся в этнос, и какая то антропологическая сила не позволяет ему освободиться от извора миграционной теории. В итоге, Ментши примкнул к схеме В. Шиндта, распределенного культуры на первичные, вторичные и высшие, вторым предположены неизбежные пракультуры²⁸. Но что такое культура и что такое пракультура? Где начало одной и конец другой? Когда мы проследим единый процесс развития, то установление таких границ, в особенности для так называемых до-исторических периодов, более чем затруднительно²⁹. При изыскательном же построении означенных границ, обусловленных отрывочностью наличного раскопочного материала, мы вновь упираемся в тот же самый этнос, в способный к развитию этнический состав, пришедший и принесший с собою культуру на смену существовавшего тут пракультурного состава. Иначе трудно осмыслить такое своеобразное деление.

Приняв схему В. Шиндта, Ментши тем самым лишь свернул на узкий этнологический подход. Он пришел в параллель к своим «до-историческим» исследованиям также и данные современной этнографии. И что же вышло из такого приращения этнологического материала? Не углубив достаточно вопросов стабильности, Ментши, в результате своих этнологических сопоставлений «до-исторического» человека с современным «дикарем», склоняется к отнесению к числу первичных культур расово им обособленного орингала, то-есть опять

²⁸ См. W. Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, атлас, карта VIII (Heidelberg 1926). В составлении этой карты приняли участие K. Streif, P. W. Schmidt, W. Koppers и O. Mengin.

²⁹ По утверждениям афетидологии, человек стал переходить на языковую речь, вынужденный к этому осложненными потребностями его хозяйственной жизни, вызвавшей необходимость более осложненных общественных группировок. Языковая речь развивалась постепенно, сопутствуя и дополняя все еще не изжитую речь жестов и мимики. Переход на членораздельную звуковую речь вероятнее всего приурочить к уже оседавшему человечеству, перешедшему на земледельческий труд. Поэтому, едва ли можно отнести этот переходный от кинетической к звуковой речи период, в его уже оформившейся звуковой речи, к периодам, предшествующим мотыжной обработке земли, т. е. отнести его раньше эпох верхнего палеолита. До них мы имеем крайне длительные стадии среднего и нижнего палеолита, использовавшие, во всем известным, кинетическую речь. Человек этих периодов ни в коем случае не может быть назван homo stupidus, хотя бы ему такое наименование иногда и приписывалось в научной литературе.

приходит к тому же пресловутому homo sapiens—кроманьон²⁰. Сделав своего рода «культурный круг», венский археолог вернулся к тому исходному пункту, от которого пытался отойти.

Менгин ярже олицетворял в своих работах бесплодность попыток выйти из заколдованного круга, созданного этнологической школой, и ее миграционной теорией, но существу же он не вышел из него и, конечно, не сделал Барону читаемой, хотя бы это и признавал один из его последователей, Керн²¹. Впрочем, для продолжающих вращаться в прежнем кругу археологов даже построения Менгина могут показаться проливающимися свет на темные страницы до-истории.

Каков же на самом деле этот пролитый свет? Мне кажется, что Менгин, отказавшись от теории Гёрнеса о ступенчатых переходах палеолита и установив взамен их два культурных круга, генетически между собой не связанные, оказался в большой мере «индоевропеистом» в области археологии, чем его предшественник²². Кроме того, именно Гёрнес, а не Менгин, стоял гораздо ближе к возможности применения стадийного исследования. Гёрнес прошел мимо стадийной постановки исследовательской работы, так как по ходу своих исследовательских исканий не мог освободиться от узкого формально-сравнительного метода и потому полностью обосновал свои выводы на переселенческих сменах²³. Все же, построения его и сделанные им типологические сопоставления дают материал, более пригодный для использования его афетидологом, чем схема Менгина, значительно дальше отошедшего своими культурными кругами от стадийных сопоставлений.

Диахронистические таблицы Гёрнеса распределяют материал с установлением определенной периодизации. Многие из его примеров безусловно отпадают, как построенные на одной только типологии, но все же, каждый афетидологически настроенный археолог не может обойтись без знания работ этого крупнейшего знатока вещевых памятников и нередко бывает вынужден ссылаться на его классификацию, хотя бы и используя его сводки в совершенно иных целях.

Типологические сопоставления неизбежны, и от них ни один афетидолог отказываться не может, но они должны быть обусловлены

учетом всего наличного комплекса. Отсутствием такового учета и значительной степени грешит Гёрнес. Именно поэтому он и является типичным «индоевропеистом» в области археологии. С применением комплексного анализа мы неизбежно позволим и прослеживанию смен хозяйственных формаций человеческих объединений и тем самым выявим проявления этих смен на обусловленном ими вещевом творчестве. Здесь получится необходимый корректив для пролианных тем же Гёрнесом типологических сравнительных построений прикладываемых к исследованию материалов.

Менгин же вовсе не самостоятелен в своих культурных кругах. Отойдя от своего учителя, Гёрнеса, он лишь перекинулся в другой лагерь. Едва ли я ошибаюсь в своем впечатлении, что не археологический материал выдвинул районирование по кругам, а влияние школы В. Шмидта, к которой он полностью примыкает²⁴. Культурные круги В. Шмидта строятся на богатом опыте лингвистических исследований современных отсталых народностей. И когда В. Шмидт углубился в языковой материал, выходящий за пределы индоевропеистики, он оказался диссидентом, но все же в основе своей только незначительным реформатором той же самой школы²⁵. Правда, он оказался, до известной степени, свободным в ходе своих построений и потому мог сослаться и на афетидологические работы. Но отдельные главы, посвященные афетидологии, не помнили на измятые всех других частей его фундаментального труда, и в результате получилось разногласие. Он воспринял афетидологию не в ее стадийных проследиваниях, а в своеобразном понимании афетической подосновы, сохранившей реликтовые пережитки на Кавказе, в Пиренеях и на Памире, и покоящейся, конечно, на этносе. Следовательно, по существу, В. Шмидт остался этнологом и вовсе не

²⁰ См. составленную Б. А. Богатовским сводную таблицу и его цит. сочинения на стр. 204—205, табл. II.

²¹ F. Kern, Stammes- und Artbild der Deutschen und ihrer Verwandten, München, 1927; цитата по Б. А. Богатовскому, ук. соч., стр. 215.

²² Литературу и критику см. O. Menghin, Zur Geschichte der altpaläolithischen Kulturkreislehre, Wien, Pr. Zeit., 1927.

²³ См. основную работу Hörnes, Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa; посмертное издание Hörnes—Menghin, Wien 1925.

²⁴ В атласе, приложенном к труду W. Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde (Heidelberg 1926), имеется карта VIII, посвященная этнологическим культурным кругам (Die Ethnologische Kulturkreise). Карта составлена проф. K. Streit на основе материалов W. Schmidt, W. Koppers (по этнологии) и O. Menghin (по до-истории). Карта включает четыре культурных круга: I—Urkulturen, Sammelstufe (ohne Ackerbau, ohne Viehzucht); II—Fortgeschrittene Kulturen (Primärkulturen), Viehzucht, Kunst und Handwerk, Ackerbau; III—Weiter fortgeschrittene Kulturen (Sekundär-Tertiär-etc. Kulturen), Auflage der Töpferei, Weberei, Metallbearbeitung und Schrift; IV—Prähistorik, delatissima na: 1) altpaläolithische Klingenkultur (Prämonasterien und Monasterien), 2) Pygmäenspuren, 3) Arktisch-Sibirische Kultur, 4) Altpaläolithische Faustkeilkultur (Chelléen und Acheuléen), 5) Jungpaläolithische Klingenkultur (Aurignacien, Magdalénien, Capsien, Azylien, Maglemose), 6) Jungpaläolithische Faustkeilkultur, 7) Einfluss der Bogenkultur in neolithischen Kulturen.

²⁵ См. цит. его работы, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde.

довательно, по существу, В. Шмидт остался этнологом и вовсе не

³⁴ В атласе, приложенном к труду W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde* (Heidelberg 1926), имеется карта VIII, посвященная этнологическим культурным кругам (*Die Ethnologische Kulturkreise*). Карта составлена проф. К. Streit на основе материалов W. Schmidt, W. Koppers (по этнологии) и О. Menghin (по до-истории). Карта включает четыре культурных круга: I—*Urkulturen*, *Sammelstufe* (ohne Ackerbau, ohne Viehzucht); II—*Fortgeschrittene Kulturen* (*Primärkulturen*), *Viehzucht*, *Kunst und Handwerk*, *Ackerbau*; III—*Weiter fortgeschrittene Kulturen* (*Sekundär- Tertiär-etc.-Kulturen*), *Anfänge der Töpferei*, *Weberei*, *Metallbearbeitung und Schrift*; IV—*Prähistorik*, делящийся на: 1) *altpaläolithische Klingenkultur* (*Prä-moustérien und Moustérien*), 2) *Pygmäenspuren*, 3) *Arktisch-Sibirische Kultur*, 4) *Altpaläolithische Faustkeilkultur* (*Chelléen und Acheuléen*), 5) *Jungpaläolithische Klingenkultur* (*Aurignacien, Magdalénien, Capsien, Azylien, Maglemose*), 6) *Jungpaläolithische Faustkeilkultur*, 7) *Einfluss der Bogenkultur in neolithischen Kulturen*.

³⁵ См. цит. его работы, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*.

склонен отказываться от преобладающего значения сравнительного метода, ни от миграционных построений.

Если В. Шмидт, хотя и ссылается на работы Н. Я. Марра²⁴, все же неправильно усвоил основные положения афетидологии, то в не меньшей мере чужд ее Менгин, не имеющий возможности, не будучи языковедом, осознать новое учение и его лингвистических выводов, понимая, новое и этому и не стремившийся, хотя он и имел для того более чем другие западные археологи основание, прайдался в кругу сотрудников Антверпа, явно сочувственно отзывающегося о афетидологических работах²⁵.

Менгин, при данном им толковании своих культурных кругов, совершенно напрасно пытается привлечь на помощь археологию и близости этнографов. Последние могут быть сопоставлены с отдаленными эпохами палеолита лишь при стадильном подходе к творчеству человека каменного века. Между тем, именно этот подход не достаточно углублен исследователем²⁶.

Застигаемые нами так называемые примитивные народы сами по себе вовсе не представляют начальной стадии развития. За ними лежит длительный период предшествующего состояния. Кроме того, и ним нельзя подходить как к безукоризненно цельным формациям. Они представляют собою тоже уже многократно скрещенные образования, и вовсе нельзя предполагать, что процессы скрещения везде проходили в однообразных сочетаниях. Во всяком случае, процессы скрещения у современных «дикарей» и у жителей каменного века не могут в точности совпадать. И флора и фауна у них были различны, условия охоты, разным образом, в точности не совпадали, следовательно, и общественные группировки могли носить существенное различие.

Понять современного «дикаря» можно только, подобая к нему стадильно и палеонтологически. Между тем, этого не сделал ни один этнограф, и, поскольку мы знаем, не собирается делать это и поныне. Обычное разрешение вопроса, сводящееся к наблюдениям форм бытования, приводит лишь к легкости применения сравнительного метода, и к «дикарю» подходит как к чему-то самобытно-целостному и вполне ясному в своем условном примитивизме. Это — совершенное недоразумение. Именно здесь наиболее необходимо привлечение лингвистических исследований.

²⁴ W. Schmidt, ц. с.

²⁵ Первая работа, помещенная в сборнике, изданном в честь W. Schmidt (Festschrift P. W. Schmidt), озаглавлена «Die Subarier des alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung» (B. Bleichsteiner).

²⁶ Наоборот, при углублении стадильного подхода, этнографический материал может быть исключительно важен для афетидологических работ.

Итак, в своей структуре, которая так извращает иронизирование говорящего «дикаря» и отразить пренебрежение его состоянию. Для получения возможной полноты картины необходимо параллельно сделать В. Шмидт, и построенные им структурные круги обоснованы исключительно на типологических сопоставлениях. Та же схема, да и распределением им культурным кругам палеолита. В результате исследователь думает, что он, применяя этнографический материал, разрешил сложнейший вопрос первоначальной эпохи каменного века. Едва ли с таким заключением можно согласиться.

Насколько мало мы знаем материала и насколько мало вообще находится его в нашем распоряжении, видно хотя бы по тому, как оценивается археологами перерыв между средним и верхним палеолитом или между палеолитом и неолитом. Отсутствие материала еще так давно признавалось достаточным для утверждения о полном разрыве между ними. Но ведь тот же самый материал имеет основание Бёркиту отрицать таковой разрыв²⁷. Отрицание разрыва приобретает в настоящее время все больше и больше сторонников. Значит, имеется какой-то дефект в самом материале, позволяющий обращаться с ним по свободному желанию научного работника и строить диаметрально противоположные выводы. Впрочем, известно, что, когда была сочинена миграция, то все стало ей подчиняться и покорный ориньякский человек шел оттуда, откуда это нужно было научному исследователю²⁸. Для миграции крайне подходят полные разрывы, отрицание же их как будто бы должно было привести и к отрицанию миграций. Ничего подобного — Бёркит продолжает быть сторонником переселенческих теорий²⁹. Научная логика допускает всякие компромиссы.

²⁷ Интересные указания на отражение в структуре языка наскаческой стадии иронизирования см., например, у С. С. Uhlenbeck, Le caractère passif du verbe transitif ou du verbe d'action dans certaines langues de l'Amérique du Nord, Rev. inter. des études basques, XIII N° 3, juillet — septembre 1922, стр. 399 — 419.

²⁸ Burkitt, Prehistoric discovery in Sacred Soil, the Galilee skull in Illustrated London News, 1925, от 25 августа; ссылка по Б. Я. Богдановскому, ц. с.

²⁹ См. мое, О доисторическом переселении народов.

³⁰ M. C. Burkitt, Prehistory, a study of early cultures in Europe and the Mediterranean basin, 2 ed. Cambridge 1925, стр. 106, 120 — 121 и др. Ср. там же 97 — 98.

Мощная сила этнологического подхода захватывает и не выпускает из своих рук исследователей различных направлений. М. В. Серебряков совершенно прав, призывая к осторожности в установлении границ между кажущимися нам обособленными периодами. «Если же, говорит он, можно вообще более или менее точно определить грани переходного периода: начальные стадии человеческого существования были крайне продолжительны, растянулись на сотни тысяч и даже миллионы лет, а изменения происходили чрезвычайно медленно и, если так можно выразиться, отличались молекулярным характером. Какой же именно момент следует считать отделением человека от его обезьяноподобных предков: когда его тело окончательно выпрямилось, а сам он начал ходить на двух ногах? или когда у него появилась членораздельная речь? или когда он впервые стал применять грубые ударные камни и кремни с заостренными краями? или, наконец, когда были изобретены способы добывания огня?»⁴⁵ М. В. Серебряков признает, что при настоящем состоянии палеонтологии невозможно с уверенностью ответить на эти вопросы. Даже по отношению к переходному периоду в сторону неолита, со всем последующим крупным сдвигом, М. В. Серебряков придерживается того же самого толкования; он утверждает, что «наступление новокаменного периода сопровождается глубочайшими изменениями в орудиях труда, а вместе с ними и хозяйственном быту, формах и характере построек, искусстве—словом, во всей общественной жизни. Однако, изменения совершались очень медленно»⁴⁶.

М. В. Серебряков уверенно проводит стадильное прослеживание, упоминая стадию дольменов и т. д.⁴⁷ Но... там, где появляется несчастный *homo sapiens*, выступает на сцену совершенно иная картина, хорошо нам знакомая и столь обычная для археологов. Оригинал, по его словам, «действительно новая эпоха, существенно отличающаяся от предыдущих. Она характеризуется прежде всего тем, что неандертальская раса вытесняется кроманьонской, принадлежавшей, как и мы, к виду «разумного человека»⁴⁸. «В конце каменного века люди окончательно выходят из дикого состояния. Чтобы достигнуть варварства, они должны были очень высоко развить свою технику»⁴⁹. «Появление их (т. е. кроманьонов) в конце мустьерской эпохи сопровождалось, по мнению М. В. Серебрякова, коренными изменениями

в технике производства и общественных отношениях»⁵⁰. Под такими словами подишется даже Обернейер.

Нам кажется более приемлемым другое объяснение этому переходному периоду, устраняющее заподозренный hiatus. Согласно выводам пфетидологии на основе анализа лингвистического материала, появление кроманьона сопровождалось коренными изменениями в технике производства и в общественных отношениях, а, наоборот, изменения в технике производства обуславливали изменения в общественных отношениях и создали тот тип, который именуется пропеге каменного века, не могло быть, существенное же отличие сказывается лишь при сравнении двух отрезков в их уже оформившихся различных состояниях. Равным образом, пфетидолог возмущает под сомнение неожиданно всплывшее у М. В. Серебрякова переселенческое движение эпохи неолита, когда новые источники питания в виде ячменя и пшеницы, «дикое растение в азиатских стенах», приносились в Европу «переселяющимися племенами в виде небольших дорожных запасов»⁵¹.

Казалось бы, что с находками переходного типа, отрывающегося от Мустье и еще не достигающего Оривьяка, в Абри-Оли говорить о полном перерыве между двумя фазами палеолита более не приходится⁵². Находки близ Туниса весьма показательны, к тому же они вовсе не одиночны. У нас нет никаких оснований оспаривать заключение Г. А. Бонч-Осмоловского о находке им подобного же связующего звена в Крымской стоянке Шайтан-Коба⁵³. На основании своей новой находки, Г. А. Бонч-Осмоловский определенно отказывается от миграционной теории, ничего, по его словам, не разъясняющей и лишь сбивающей исследователя. Из всех палеонтологов Г. А. Бонч-Осмоловский стоит, пожалуй, ближе остальных к пфетидологии. Во всяком случае, попытка приблизиться к нему имеется, хотя бы и прикрытая местами отгубком пережитком прошлого.

Г. А. Бонч-Осмоловский, в ряде своих печатных работ, выдвигает схему стадильности даже для палеолита⁵⁴, и с этой стороны

⁴⁵ Ц. с., ЗНОМ, 1928 г. № 1 (9), стр. 10.

⁴⁶ См. выше.

⁴⁷ М. В. Серебряков, ц. с., ЗНОМ, 1928 г. № 10, стр. 46.

⁴⁸ См. Г. А. Бонч-Осмоловский, К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий, Человек, 1928 г., № 2-4, стр. 147 сл.

⁴⁹ «Шайтан-Коба, крымская стоянка типа Абри-Оли», печатается в Бюл. Ком. Изуч. Чети. Периода. Ак. Н. Вяземская любезности автора и имел возможность ознакомиться с этой работой в рукописи.

⁵⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский, К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий, стр. 184, таблица.

⁴⁵ М. В. Серебряков, Основные проблемы исторического материализма, Зап. Науч. Общ. Марксистов, 1928 г. № 1 (9), стр. 3-4.

⁴⁶ Ц. с., Зап. Науч. Общ. Марксистов, 1928 г., № 10, стр. 41.

⁴⁷ Ц. с., стр. 47.

⁴⁸ Ц. с., Зап. Науч. Общ. Марксистов, 1928 г. № 1 (9), стр. 10.

⁴⁹ Ц. с., ЗНОМ, 1928 г. № 10, стр. 39.

вполне понятно его отрицательное отношение к упомянутым выше культурным кругам Монтана²⁴. С другой стороны, тоже понятен, хотя и по несколько другим основаниям, а именно как «реакционный остаток» старых научных течений, получивший у него яркий образец «африканизации» двух противоположных мнений, когда он, говоря о новых, «более сложных» формах добывания средств существования и быта, неожиданно помещает образную фразу о том, что «эти изменения играли решающую роль в истории человечества» и что «вместе с ними на смену неандертальца пришел homo sapiens» и открыл ее новую полную неограниченных возможностей страничку²⁵. Опять выскочил на сцену тот же хорошо нам знакомый образ homo sapiens'a.

Несколько иной облик получает чередование человеческих рас в работе французского ученого Монтандона²⁶. В результате длительных споров о моногенизме и полигенизме человека появляется новая школа антропологов ологенистов. Один из представителей этой школы, Монтандон, повторяет обычную схему, последовательно упоминая гейдельбергского человека, пильтаунского, неандертала и кроманьона²⁷, но эту схему воспринимает в несколько необычном виде, упирая на повсеместную автохтонность. По его словам: «il n'y a pas de berceau de l'humanité: le berceau est la Terre entière. De même, il n'y a pas de berceaux des races humaines, mais des aires de départ de ces races en formation. Les migrations humaines ne représentent que des mouvements sur lignes intérieures, à la surface d'un globe où l'homme, sous une forme raciale ou sous une autre, — toutes races d'une commune origine, — est partout autochtones»²⁸. К сожалению, мы далеко не в достаточной мере осведомлены о том, как принял ученый мир такую неважную попытку Монтандона выдвинуть теорию ологенизма, в корне противоречащую обычному представлению об изначальном расовом делении человечества.

Нам остается только приветствовать новую опору, найденную нами в антропологических исследованиях последних годов. Если мы не нашли ее в своем собственном окружении, где диффузионистские работы могли бы быть известны, то, по крайней мере, мы находим ее взаи, в трудах ученого, даже не упоминающего ни одной работы И. Я. Марра в своем довольно обширном библиографическом

²⁴ Г. А. Бюш-Осоловский, Шайтан-коба, крымская стоянка типа Абри-Оди.

²⁵ Ц. с.

²⁶ G. Montandon, L'Ologénèse humaine (Ologénisme), Paris 1928.

²⁷ Ц. с., стр. 41 и др.

²⁸ Ц. с., стр. 374.

указателе. Монтандон, очевидно, и не подозревает о существовании диффузионистской школы с ее печатными работами, но ведь эти работы могли бы, казалось, быть известными у нас. Пора перейти к применению на деле того, что приветствуется на словах. Быв ли много толка в том, что после докладов И. Я. Марра устраиваются особые заседания для обмена мнениями. Все это улетает в воздух, конкретного же применения непосредственно в самих работах мы еще не видим. Все еще продолжает чувствоваться не только миф о переселении, но и мираж Запада. Ex Occidente lux! Свет науки идет оттуда, создавая «легендарных героев», «сподобовых» западного научного мира. Я не сомневаюсь в том, что если на Западе полетит миграционный мираж, то это произведет свое гипнотизирующее впечатление и в Восточной части Европы. Уверенный в этом, я посмел оговориться: мираж уже летит.

Наиболее чуткие к недостаткам застывшей научной мысли в самое последнее время тоже достаточно решительно высказываются против миграционного миража. Ван Женен и С. Рейнах более не могут удовлетворяться старыми традиционными толкованиями многообразного в своих деталях хода развития человеческого общества. Всякого рода суждения о переселениях мустерского, солотресского человека и др., о великом переселении народов — строителей дольменов и др. кажутся им картонными домиками, воздвигнутыми на песке. Le mirage des invasions уже более не удовлетворяет²⁹. Рунится прежняя конструкция. То, что раньше признавалось за неизбежную истину, оказалось теперь лишь картонным домиком. Впрочем, действительно ли всеми осознается этот мираж?

Если мы подумаем, что археологическая школа в ее современном состоянии на самом деле отказывается от своей методологической ошибки, то ошибающимися окажемся мы сами. Чтобы убедиться в этом, достаточно сделать хотя бы краткий прогон по новейшей литературе, и мы увидим, что и этнологический и миграционный подход продолжают применяться в полной мере, заглушая своим подавляющим массивом исследовательскую мысль.

Так, в 1927 г., Гейне-Геллерн утверждает: «Selbstverständlich muss die Einwanderung der Mon-Khmer-Völker in Vorderindien vor der Eroberung des Gangeslandes durch die Arier stattgefunden haben»³⁰. Народы Mon-Khmer со своим неолитическим культурным приливом в Индию до проникновения сюда с запада культуры медного века.

²⁹ S. Reinach, Le mirage des invasions, Rev. Arch., XXX, 134, (Juillet-Septembre 1929).

³⁰ R. Heine-Geldern, Mitt. d. Anthrop. Ges. in Wien, LVII, 1927, стр. 53.

Если же мы отнесем последнее к 1200—1000 году, то вторжение Мон-Кхмис в Переднюю Индию нам приходится приурочить к середине второго тысячелетия до н. э. Таковы выводы Гейне-Гельмерна⁶¹. Менгин, в своей работе 1928 г., не только не оспаривает построений Гейне-Гельмерна, но полностью помещает их в свою схему абсолютной хронологии, делая к ней пристройку в виде культуры Sotrong-San, относимой им к 2500—1500 годам⁶².

Таким образом, все смены культурных оформлений приписываются непосредственно народам, носителям той или иной культурной формы. Условно устанавливаемые даты различных переселенческих моментов признаются за даты начала и конца культурных эпох. Утверждается, что смена культур происходит повсеместно и одно и то же время. Сосуществование различных оформлений вовсе не допускается. Тема развития усматривается лишь в резких переходах, обусловленных переменой этнического состава, поэтому одна форма сменяется повсеместно другой. В результате мы получаем ряд стабильных периодов, напластованных один на другой, каждый с определенным ярлыком, обозначающим этнос и дату. Все это публикуется в самые последние годы, отражая текущий ход исследовательской мысли, и воспринимается как обновленная археологическая схема. Таким путем строится абсолютная хронология. И кем она строится? Тем самым венским ученым О. Менгином, в культурных кругах которого пытаются изобрести новый луч света, кидаемый на темные страницы до-истории. Во всяком случае, этот луч света не превосходит своего яркостью старых способов освещения XVIII-го века.

Минимый новатор в области археологии не продвинулся вперед ни на шаг и в нижеследующих своих утверждениях: «Es gibt zwei Richtungen, aus denen diese (упомянутые выше культуры) gekommen sein können: aus Vorderindien, das eine ältere Kupferkultur besaß oder aus China». Автор склоняется в пользу Китая, как исходного пункта движения, и в подтверждение своей мысли ссылается на обычное для миграционистов объяснение: достаточно, говорит он, посмотреть на карту, чтобы убедиться в том, что именно из Китая стекают в Индию мощные речные потоки⁶³. По этим потокам, очевидно, и двигались переселенческие волны.

Менгин не только не делает никаких попыток выйти на новый путь исследования, но, наоборот, с полной убежденностью в правоте общепринятого взгляда, повторяет мнения Таллгрена, высказанные

⁶¹ Ц. с.

⁶² O. Menghin, Zur Steinzeit Ostasiens, Festschrift P. W. Schmidt, Wien 1928, стр. 924.

⁶³ O. Menghin, ц. с., стр. 924.

им еще в 1911 году⁶⁴, а по вопросам о движении культур с запада через европейскую Россию в Сибирь основывается на работах Мерхарта 1926 г., чисто переселенческих по своему направлению⁶⁵. Это — в части миграционной теории. Теперь посмотрим, что нового дано им же, Менгином, в части этнологического подхода.

В своей работе 1928 г. он подходит к Приднепровской культуре Триполья вовсе не стадильно, и все свои усилия тратит на поиски этноса, каковой для Триполья определяется им в лице индогерманских тохаров, которых он не согласен вести до Китая главным образом потому, что не считает возможным, чтобы индогерманский народ, будучи скотоводом, мог бы дойти до Кавсу с одним только сквишем, обнаруженном там в комплексе до-исторических находок⁶⁶. Поэтому он не разделяет предположений О. Франке, усматривающего тохаров также и в районах раскопок Андерсона⁶⁷. В то же время Менгин не согласен и с самим Андерсоном, но только потому, что он в до-историческом Китае видит древне-китайскую основу. Между тем, идя от древне-китайской основы, легко перейти на стадильность, и именно этого и боится Менгин, так как это противоречит его этно-миграционному подходу. Китай он оставляет для Индусангских племен⁶⁸. Таким образом, его культурные круги оказались тесно связанными с этносом и переселениями. Менгин полностью остался верен господствующей научной традиции.

Таковы работы самых последних годов, и при том еще работы новой школы археологов. Разве это не те же возмущающие нас пески карточные домики? Разве это не растерянное метание из стороны в сторону?

Неужели научная мысль не может освоиться с тем, что ни один исследуемый отрезок не находится в стабильном состоянии? Я глубоко убежден в том, что это осознается каждым ученым, но почему же тогда это не учитывается в самом ходе исследовательской работы? Если мы не берем на себя смелости оспаривать высказываемые, в частности и М. В. Серебряковым, положения о медленном

⁶⁴ O. Menghin, ц. с., стр. 924 со ссылкой на A. M. Tallgren, Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostasien, Festschrift, Tidskrift, XXV, 1911.

⁶⁵ O. Menghin, там же со ссылкой на G. V. Merhart, Bronzezeit am Jenisei, Wien 1926.

⁶⁶ O. Menghin, Zur Steinzeit Ostasiens, стр. 939—940. См. его же статью в Юбилейный Сборник по поводу М. С. Грушецкого, I, 1928 г.

⁶⁷ O. Menghin, Zur Steinzeit Ostasiens, стр. 940 со ссылкой на работу O. Franke, Die prähistorischen Funde in Nordchina und die älteste chinesische Geschichte, Mitt. d. Seminars f. Orient, Sprachen zu Berlin, XXIX, 1 Abt., 1926, стр. 99.

⁶⁸ O. Menghin, ц. с., стр. 939.

темпе изменения форм в так называемом до-историческом периоде, и даже о крайне медленном его ходе в эпоху камня, то все же отсюда вовсе не следует, что избранные нами отрезки общего хода развития не эволюционируют⁷⁰.

Перемена форм хозяйства далеко не всегда обусловлена приходом нового народа. Между тем, по общему толкованию археологов ходит, что всякая перемена хозяйственно-экономических отношений связана с переменою этнического состава. А это, в свою очередь, приводит к явному искажению реальных возможностей развития, когда определенные, сложившиеся формы хозяйства приписываются определенному же племени, появление которого в новом месте несет с собою новые условия общения и труда. Мы близки к отрицанию перехода на земледелие и признанию какого-то избранного нами племени изначально склонного к обработке земли. Выходит, что на земном шаре сразу появилась земледельческая раса, разносившая в дорожной сумке ячмень и пшеницу⁷¹. Мы забываем, что благоприятные условия для развития земледелия имеются вовсе не в одном месте, ископаемая же флора далеко не изучена. Мы имеем в работах археологов даже племена денточного и шнурового орнамента, и по мере того как борются эти племена, один орнамент одолевает другой⁷².

Какиенибудь отдельно взятые тохары вовсе не объясняют появления Триполья на Днепре. Керамическая объясняется стандартно, она могла появиться и, несомненно, появлялась в различных местах вне всякой зависимости от того или иного кочующего племени, и в противном случае нам придется даже и аламитов, и дошумерских обитателей Ура признать за упоминаемое палео-германское племя, тем более, что там даже и в орнаменте встречается не одно только изображение свиньи. Если же и аламиты и дошумеры были

⁷⁰ Это, конечно, полностью признается и М. В. Сребраховым, см. его, Основные проблемы исторического материализма, Зап. Науч. Общ. Марксистов, 1928 г., № 1 (9), стр. 3; там же № 10, стр. 41; см. там же № 4 (9) главу V на стр. 19 об эволюции палеолитических орудий.

⁷¹ См. ниже.

⁷² Cp. O. Menghin, ц. с., стр. 135 «Die einseitige Abschätzung der Beile weist wiederum in die Richtung der baltisch-nordasiatischen Nomadenkultur...». Там же: «Das Bogenmesser ist seiner Form nach allerdings wohl anderer Herkunft. Dass es aus der ostbandkeramischen Zone stammt, wie H. Schmidt annimmt, ist ganz und gar unwahrscheinlich, da es in einem sehr weiten Umkreise auftritt, wie V. Christian gezeigt hat. Christian weist es seiner prämalaiischen Schicht zu... Tatsächlich lässt das Vorkommen des Bogenmessers in Susa und Europa auf der einen, in der Mongolei und Mandschurei auf der anderen Seite vermuten, dass es von Russisch-Zentralasien ausgegangen ist». Cp. следующее примечание.

тоже тохарами, то почему не могли быть ими же и Андерсоновские китайцы? При постановке вопроса о кирпичной керамике тохары совершенно излишни⁷³. И, конечно, ссылкой на них нельзя ограничить омысление Трипольских площадок.

Если приток нового племени и дал толчок к развитию новых форм, то это произошло в процессе сращения, тогда как обычная схема переселения зачеркивает все предыдущее и заменяет его совершенно новым⁷⁴. Кончилась одна культура и началась другая. Дается датировка и той и другой. Современный исследователь уподобляется Ашурбанипалу, который, покоряя Элам, думал, что он в течение одного месяца съел со всего Элама все, что называлось жизнью, и в равнине опустошенной страны привел диких животных и змей⁷⁵. Но, ведь, уцелевшая ахеменидская надпись, сохранившая ново-эламский язык, показала, что ассирийский царь ошибся. Зачем же археологи XX-го века повторяют суждения, сходные по своему построению со словами, произнесенными две с половиной тысячи лет тому назад?

Любопытные картины метания научной мысли проходят перед нами почти непрерывным рядом до последних дней влечительно. Возьмем для примера приведенную Е. И. Титовым и В. Я. Толмачевым в 1928 г. сводку различных мнений о неолитической культуре восточной Азии⁷⁶. Развитие неолита в Китае рисуется О. Франке, в 1926 г., в следующем виде: какой-то народ, может быть, в половине третьего тысячелетия до н. э. натолкнулся в пределах северного Китая на другой, находившийся в стадии неолита, более многочисленный и грубый народ, но более восприимчивый и даровитый, и передал ему продукты своего духовного развития. Семена упали на плодородную почву и в результате совместной жизни и объеди-

⁷³ Любопытны выводы Менгина относительно центра возникновения культур и его последующей руководящей роли: «immer wieder haben wir für Einzelheiten vollneolithischer Zeit eine Herkunft aus Russisch-Zentralasien oder der östlich angrenzenden Gebiete wahrscheinlich machen können, so dass man zur Annahme gedrängt wird, diese Zone müsse einmal eine führende Rolle in der Kulturentwicklung der Menschheit gespielt haben. Hier sind vermutlich die ersten Kulturen entstanden, in denen sich Pflanzenbau und Viehzucht zu einer neuen organischen Einheit verbanden» (ц. с., стр. 942).

⁷⁴ Бывает своеобразная гибридизация различных построений научной мысли, так, тот же Менгин, проследившая этнос и миграцию, делает в то же время упор и на скрещивание, допуская его, впрочем, лишь для известных периодов как смешение уже окончательно сложившихся культур, цельность которых не вызывает у него никаких сомнений (ц. с., стр. 942 и др.).

⁷⁵ См. мои Эламские Древности, стр. 11, Пгр. 1917 г.

⁷⁶ Е. И. Титов и В. Я. Толмачев, Остатки неолитической культуры близ Хайлара, Общ. Науч. Маньчжур. края, Ист.-Этногр. Сеция, Харбин 1928 г.

нового роста двух этнических элементов выделила древнейшая китайская культура⁷⁰.

Процесс скрещивания тут учитывается, хотя и в довольно своеобразной форме столкновения более развитого народа с более грубым, но в то же время более даровитым и восприимчивым. Таким образом, этнологический подход здесь проводится полностью, хотя и не указывается имя этноса. Это делает Андерсон в работе 1925 г. Он определяет этнический состав создателей китайской пракультуры, усматривая в них монголоидов⁷¹. Другой исследователь, С. М. Широкогоров, в 1923 и 1926 г.г. ищет объяснение неолитической культуры Азии тоже в этносе, каковой для неолита Азии отождествляется им с туңгузами, северной ветвью великого дерева японской народности⁷².

Остается определить район распространения этой пракультуры восточной Азии. Его дает Нельсон в работе 1927 г., утверждая, что неолитическая культура была когда то распространена весьма широко по всей зоне Сибири-Китай, по всему пути от берегов Тихого океана до Атайских гор. При этом, Нельсон отмечает, что сибирский неолит имел некоторые общие черты с неолитом Европы и Америки⁷³.

Дается даже и характеристика носителей китайской пракультуры. Ее мы находим у Андерсона в упомянутой его работе 1925 г. в следующем виде: неолитические аборигены-монголоиды, внесшие свою долю в создание китайской пракультуры, занимались, главным образом, охотой и рыболовством, в то же время практикуя, в подходящих для этого местах, мотыжную культуру. Если это верно, говорит Андерсон, то можно думать, что они жили небольшими группами и не были оседлыми, они передвигались с места на место в зависимости от изменений запасов дичи⁷⁴.

Приведенная здесь характеристика мало чем отличается от обычной характеристики первичного палеолита Западной Европы, тоже переходящего на мотыжное земледелие. Казалось бы, что пока еще нет основания вести сельскохозяйственную культуру с Востока на Запад. Между тем, тот же самый материал дает Осборну основание в 1924 г.

⁷⁰ O. Franke, Die prähistorischen Funde in Nord-China und die älteste chinesische Geschichte, Mitt. des Seminars für Orient. Sprach., Berlin 1926.

⁷¹ Prelim. Report on archeolog. research in Kansu, Peking 1925.

⁷² C. M. Shirokogoroff, Anthropology of Northern China, Shanghai 1923, pero же Northern Tungus Migrations in the Far East, Shanghai 1926.

⁷³ N. C. Nelson, Archeological Research in North China, American Anthropologist, vol. 29, № 2, 1927.

⁷⁴ Andersson, Preliminary Report on archeological research in Kansu, with a note on the physical characters of the prehistoric Kansu races, by D. Black, Mem. of the Geolog. Survey of China, Ser. A. № 5, June 1925.

повторить свою мысль о том, что с неолитом появляется в Европе новая тли лошади, которая перестала быть предметом охоты. Осборн утверждает, что одомашнившие лошади пришли с Востока. Кроме того, с неолитом появляются в Европе новые разновидности домашнего скота, новая порода свиньи и еще целый ряд важнейших новшеств, а именно тканье, хлебопечение, новые способы потребления, шахтовая добыча кремня, полировка камня и т. д. Осборн полагает, что первый из отличительных признаков неолитической эпохи—это наличие орудий из полированного камня, которые повсюду находят себе путь в Европу. Вначале неолит наводнен массой тесаных и сплюснутых орудий. Правда, некоторые из них являются переживанием привычных типов палеолита, но за то другие принадлежат к совершенно отличным образцам, имевшим самостоятельное развитие только на далеком Востоке⁸¹.

Указание Осборна на движение с Востока на Запад подкрепляется ссылкой на работу Махалистера 1921 года, по словам которого, коротконоговость новой расы или рас, каковые в эпоху неолита появляются в Европе, указывает на то, что разрешение загадки зарождения европейской неолитической культуры следует искать в Азии, так как коротконоговость характерна для народов Центральной Азии⁸². Упомянутая работа Осборна признается настолько убедительной, что она в 1924 г. переводится на русский язык⁸³.

Де-Морган, со своей стороны поясняет причину движения на запад. Нет ничего невероятного в том, говорит он, что огромное увеличение китайского населения служило причиной движения на запад всех орд, поселенцами представителями которых были монголы и турки. Эта работа издана в 1926 г. в русском переводе как руководство для археологов⁸⁴. Под влиянием той же мысли подним, по-видимому, и М. В. Серебряков, утверждающий, что важнейшее изменение неолитического хозяйственного строя заключалось в пользовании различными растениями и семенами, то-есть в появлении первобытного земледелия, но и то же время не допускающий перехода на земледелие самого обитателя Европы и принуждающий переселяющиеся племена нести с собою ячмень и пшеницу в виде небольших дорожных запасов из обширных азиатских степей⁸⁵.

⁸¹ Man of the old stone age, 3 ed. 1921.

⁸² Macalister, A text-book of European Archaeology, 1921, vol. I.

⁸³ Г. Осборн, Человек древнего каменного века, 1 изд. 1915 г., 3 изд. 1921 г., рус. перевод под редакцией Б. Н. Вишневского 1924 г.

⁸⁴ Ж. де Морган, До-историческое человечество, рус. перевод 1926 г.

⁸⁵ М. В. Серебряков, Основные проблемы исторического материализма, Зап. Науч. Общ. Маркс., 1928 г. № 10, стр. 46.

глубоко вкоренился в научно-исследовательскую мысль, что освоение от него оказалось крайне затруднительным. Даже выдвинутые соэволюционного анализа согласовались с ним полностью, признав расовое происхождение самых начальных форм искусства.

Н. Кюхн еще в 1926 г. не считал возможным искать происхождение искусства на Востоке: «Nach meinem Dafürhalten darf der Anfang der Kunst nicht im Osten gesucht werden, nach dem Osten gehen nur Ströme des entwickelten Aurignacien, der Beginn der Formen dagegen liegt in Westeuropa, in Frankreich, in Kantabrien. Mann kann auch nicht mehr—wie vielfach bisher—annehmen, dass die allerersten Anfänge der Kunst im Dunkel liegen, dass Kunstwerke vor dem Aurignacien geschaffen sein müssten, die später das Eis und die Gletscher des Ostens vernichtet haben. Im Gegenteil—so wie wir die frühen Stufen Aurignacien im Westen Europas finden, die ersten Werkzeuge dieses Typus, die ersten, einfachsten Formen, so müssen wir auch die Anfänge der Kunst hier suchen. In Südfrankreich und Nordspanien war diese Kunst für lange Zeit stationär, hier bildete sie ihre Eigenart aus, hier ihre Besonderungen und von hier aus entsandte sie Ströme nach Deutschland, nach Österreich, der Tschechoslowakei, Ungarn, Polen und Russland»²².

Из этих слов можно заключить, что автор нашел начальные, простейшие формы искусства. До указанного момента, до прихода ориньякского человека, повидимому, не было никаких данных даже для зачатков искусства, так, по крайней мере это ему представляется. Следовательно, на долю счастливого исследователя выпало разрешение генетического вопроса, и, при том, разрешение окончательное, бесповоротное. Ученый уверен, что на этот раз он поймал центр цивилизации. По его словам «in Südfrankreich und Spanien wurde die Kunst geboren, hier ist die Stätte, wo nach unserer heutigen Kenntnis die Menschen auf der Erde zum erstenmal zum Schöpfer wurden»²³.

В данном случае центр зарождения искусства оказался на юге Франции и в Испании. Здесь находится колыбель творческого человечества. Всякого рода сомнения по этому поводу исчезли, замененные полною ясностью, и начальный момент столь удачно уловлен, что его можно взять живыми руками. «So muss die Stunde der Geburt der Kunst oder wenigstens eine der Stunden der Geburt in Frankreich, in Spanien liegen, und in der Tat kann man den Ursprung hier

²² Н. Кюхн, *Ursprung und Entwicklung der paläolithischen Kunst*, Mannus, 1926, стр. 271—278.

²³ Там же. См. Н. Кюхн, *Kunst und Kultur der Vorzeit Europas, das Paläolithikum*, Berlin—Leipzig, 1929, стр. 224.

erkennen, den Anfang gleichsam mit Händen fassen»²⁴. Исключение представляется только для Северной Африки, так как «es ist durchaus möglich, dass ein so gewaltiges Phänomen wie die Kunst an mehreren Stellen der Welt entdeckt wurde, ja, es ist wahrscheinlich, dass die gleichen psychischen Grundlagen, die gleichen geistigen Voraussetzungen, immer wieder die gleichen Wirkungen auslösen müssten. So ist es sehr wohl denkbar, dass ein Beginn der Kunst auch in Nordafrika liegt. Es gibt hier in der Nähe von Taghit so archaische, so stark patinierte Felszeichnungen, dass auch hier ein Beginn unabhängig von Südfrankreich und Spanien liegen kann»²⁵.

На первый взгляд может показаться, что здесь Н. Кюхн наконец то свернул в сторону от этнологической почвы, выставив совершенно иные положения, подтверждающие возможность зарождения сходных форм независимо от единого избранного центра. Хотя он и ограничил сходные формы бытования только психикой и духовною предпосылкою, все же он признал допустимым независимое в разных местах сходство, хотя бы лишь этих двух характеризующих признаков. Но ведь действительность такого признания легко распространить на все части света, а не одну только Африку, и при том лишь северную ее часть. А если это применить на самом деле, то рухнут все построения возмывавшего исследователя, уже осужденного в своих руках окончательное разрешение спорного вопроса о прародине ориньяка в его сложившейся творческой деятельности. И, в таком случае, выскользнет пойманный центр цивилизации. Кюхн вышел из шаткого положения, широко бросив фразу и применив ее только, в виде исключения, для севера Африки. Но, почему же именно только для северной Африки? Почему только там оказались сходные формы психики и духовного развития? Ответ мы найдем дальше. Мы увидим, что автор сам воцелел в руках, и при том в значительно более сильных, чем его собственные, пойманные центр цивилизации. Он в мощных руках этнологического подхода. Благодаря последнему, исследователь подошел к двери и не заметил входа.

Если бы Кюхн стал на оформление стадиальности в Средиземноморском бассейне и взялся бы за анализ создавшихся здесь преломлений стадиальности с ее характерными для данного района особенностями, то он во многих своих последующих утверждениях оказался бы в значительной доле приемлемым и в известной степени

²⁴ Н. Кюхн, *Kunst und Kultur der Vorzeit Europas, das Paläolithikum*, стр. 224.

²⁵ Там же.

приблизился бы к пфетидологии. Но ход его научных построений совершенно иной, и кажущийся поворот к новому протектизму лишь как туманное видение. По его словам: «die Entwicklung stellt sich nach unserer heutigen Kenntnis so dar, dass seit dem Acheuléen eine südliche afrikanische noch sehr unentwickelte Klingenindustrie immer wieder aus Afrika den Weg nach Europa zu dem Eistand suchte, der offenbar bessere Jagdbedingungen bot. In mehreren Strömen drängte die Bevölkerung vor, bis sie am Ende des Moustérien die Neandertal-rasse verdrängt oder vernichtet hatte. Ursprünglich war das Capsien dem Aurignacien nahe verwandt, als aber bei stärkerer Vereisung die Pyrenäen ungangbar wurden, entwickelten sich die beiden Völker getrennt und bildeten besondere Eigenarten aus. Beide sind aus Afrika gekommen»¹⁶.

Оказывается, что начало искусства связано не с определенными потребностями тех или иных общественных группировок, а с прибытием определенного этноса на смену бесталанного предшественника. Зарождение искусства на почве Европы объясняется приходом капсийских и ориньякских племен и уничтожением или неандертала: «die Capsienbevölkerung hat das Gebiet südlich der Pyrenäen besetzt, die Aurignacienbevölkerung das Gebiet nördlich der Pyrenäen»¹⁷. А так как Kühn признает вполне доказанным, что оба восприимчивые к прогрессу пришельца вышли из Африки («beide sind aus Afrika gekommen»), то, очевидно, лишь потому для Африки и допускается самостоятельное развитие искусства, независимо от юга Франции и Испании, то есть только потому, что она, в северной своей части, была когда-то заселена тем же этническим составом. Таким образом, от всех отмеченных выше попыток других исследователей нашего времени перейти на проследивание трансформации неандертала в кроманьона не осталось никакого следа. Наоборот, приведенные кроманьонские племена уничтожили неандертала. Более того, даже отделение капсийской культуры от ориньякской объясняется не особенностями их стадийного оформления, а делениями Испании, пропущившими через себя ориньяка и задержавшими капсийца в их обоюдном переселенческом движении все из той же Африки.

Таковы результаты проработки наличного материала, точно формулированные в только что вышедшей работе Kühn'a 1929 года.

Можем ли мы после этого говорить о научном сдвиге в пользу стадийных трансформаций, связывающих неандертала с кроманьоном в преемственной цепи единого процесса развития? Очевидно,

нет. Научные построения обусловлены этносом, выискивается привилегированный представитель homo sapiens и прослеживается его переселение. Таково последнее слово далеко не второстепенного исследователя западного мира.

Это — старый мираж. Мираж, обоснованный на том, что сравниваются дошедшие до нас одиночные находки и одиночные комплексы их без учета несомненных до нас промежуточных звеньев. Мы слишком торопимся с окончательными выводами и ими же связываем себя, приступая уже с презрительным взглядом к свежим находкам. Таким путем даже наличные промежуточные формы нередко ускользают от нашего внимания, затуманенного поисками созвучного их нового этноса. В итоге, мы до последней крайности удаляемся от учета разнообразия жизненных условий и застаем застывшие формы переноситься с одного места на другое. Но кановению волшебного жезла у нас сразу на громадных территориях меняются целые комплексы, и по команде стройно выстраиваются народы, целые внутри себя по своим потребностям и по образу своей жизни. Эти до необычайности стройные народы, не имеющие внутри себя никаких социальных расчленений, козуют по земному шару, послушные дирижерской палочке археолога, даже не задумываясь о том, что типологически разные предметы, относимые им к разным культурам, а отсюда и к разным хронологическим периодам, могут быть на самом деле одновременными. Стратиграфический материал в большинстве случаев у нас еще отсутствует, лишая свободу типологическим сопоставлениям. К тому же, сравнение одиночно взятых форм на обширной территории от одного океана до другого нередко ослабляет даже решающее значение наличных стратиграфических данных. Отрыв от комплексного изучения и неизбежной постановки генетического вопроса дает свободу полету фантазии.

Имеющийся не в природе, а в материале и в ходе научно-исследовательской мысли hiatus ничуть не смущает археолога наших дней. Современное положение загнало археологический материал в отгороженные непроницаемыми полками афики, снабженные этикетками с указанием этноса, культуры и даты. Так строится датировка эпох и их периодизация. Тем же путем характеризуется вновь поступающий материал. Не дожидаясь даже технологического анализа, материал описывается по его внешней форме, и, в итоге сравнения с наличным, получает свое определенное место в археологическом шкапу.

Почти никаких попыток к стадийному проследиванию меняющихся форм, почти полное отсутствие учета изменчивых условий

¹⁶ Там же, стр. 223.

¹⁷ Там же.

жизни и труда, форм хозяйственной деятельности, различия потребностей обособляющихся слоев населения. Не заметно никаких стремлений проверить свои выводы по данным языка, отражающего ту же хозяйственную деятельность и, следовательно, выявляющего пережитые моменты. Памятник материальной культуры продолжает быть самодовлеющим.

И все же, несмотря на всю ясность ошибки, на явный мираж, современный нам археолог утешает себя мыслью о том, что он кидает светлый луч на темные страницы до-истории.

Цена 50 коп.